

Иван Сергеевич Тургенев

О соловьях

Иван Сергеевич Тургенев
О соловьях
Серия «Литературные и
жизненные воспоминания»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3007245*

Аннотация

«...По охотничьим замечаниям, хорошего соловья от дурного с виду отличить трудно. Многие даже самку от самца не узнают. Иная самка еще казистее самца. Молодого от старого отличить можно. У молодого, когда растопыришь ему крылья, есть на перушках пятнышки, и весь он темней; а старый – серее. Выбирать надо соловья, у которого глаза большие, нос толстый, и чтобы был плечист и высок на ногах. Тот-то соловей, что за тысячу двести рублей пошел, был росту среднего. Его Ш...в под Курском у мальчика купил за двугривенный...»

Иван Сергеевич Тургенев

О соловьях

Посылаю вам, любезный и почтеннейший С.Т., как любителю и знатоку всякого рода охот, следующий рассказ о соловьях, об их пенье, содержанье, способе ловить их и пр., списанный мною со слов одного старого и опытного охотника из дворовых людей. Я постарался сохранить все его выражения и самый склад речи.

Лучшими соловьями всегда считались курские; но в последнее время они похужели; и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева, на границе; там, в пятнадцати верстах за Бердичевым, есть лес, прозываемый Трояцким; отличные там водятся соловьи. Время их ловить в начале мая. Держатся они больше в черемушнике и мелком лесе и в болотах, где лес растет; болотные соловьи – самые дорогие. Прилетают они дня за три до Егорьева дня; но сначала поют тихо, а к маю в силу войдут, распойются. Выслушивать их надо по зарям и ночью, но лучше по зарям; иногда приходится всю ночь в болоте просидеть. Я с товарищем раз чуть не замерз в болоте: ночью сделался мороз, и к утру в блин льду на воде намерзло; а на мне был кафтанишка летний, плохенький; только тем и спасся, что между двух кочек свернулся, кафтан снял, голову закутал и дышал себе на пузо под кафтаном; целый день потом зубами стучал. Ловить

соловья дело не мудреное: нужно сперва хорошенько выслушать, где он держится; а там точек на земле расчистить поладнее возле куста, расставить тайник и самку прищпорить, за обе ножки привязать, а самому спрятаться да присвистывать дудочкой, такая дудочка делается вроде пищика. А тайничок небольшой из сетки делается – с двумя дужками; одну дужку крепко к земле приспособить надо, а другую только приткнуть – и бечевку к ней привязать; соловей сверху как слетит к самке – тут и дернуть за бечевку, тайничок и закинется. Иной соловей очень жаден, так сейчас сверху пулей и бросится, как только увидит самку; а другой осторожен: сперва пониже спустится да разглядывает – его ли самка. Осторожных лучше сетью ловить. Сеть плетется сажен в пять; осыпешь ею куст или сухой дром, а осыпать надо слабо; как только спустится соловей – встанешь и погонишь его в сеть, он все низом летит – ну и повиснет в петельках. Сетью ловить можно и без самки; одною дудочкой. Как поймашь соловья, тотчас свяжи ему кончики крылышек, чтобы не бился, и сажай его скорее в куролеску – такой ящик делается низенький, сверху и снизу холстом обтянут. Кормить пойманных соловьев надо муравлиными яйцами – понемножку и почаще; они скоро привыкают и принимаются клевать. Не мешает живых муравьев в куролеску напустить: иной болотный соловей не знает муравлиных яиц – не видал никогда – ну, а как муравьи станут таскать яйца – в задор войдет – станет их хватать.

Соловьи у нас здесь¹ дрянные: поют дурно, понять ничего нельзя, все колена мешают, трещат, спешат; а то вот еще у них самая гадкая есть штука: сделает эдак туу и вдруг: ви! – эдак визгнет, словно в воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станет. Хороший соловей должен петь разборчиво и не мешать колена, – а колена вот какие бывают:

Первое: *Пулькание* — этак: пуль, пуль, пуль, пуль...

Второе: *Клыкание* — клы, клы, клы, как желна.

Третье: *Дробь* — выходит примерно как по земле разом дробь просыпать.

Четвертое: *Раскат* – тррррррр...

Пятое: *Пленкание* – почти понять можно: плень, плень, плень.

Шестое: *Лешева дудка* – этак протяжно: го-го-го-го-го, а там коротко: ту!

Седьмое: *Кукушкин перелет*. Самое редкое колено; я только два раза в жизни его слыживал – и оба раза в Тимском уезде. Кукушка, когда полетит, таким манером кричит. Сильный такой, звонкий свист.

Восьмое: *Гусачок. Га-га-га-га...* У малоархангельских соловьев хорошо это колено выходит.

Девятое: *Юлиная стукотня*. Как юла – есть птица, на жаворонка похожая, – или как вот органчики бывают, – этаким круглым свист: фюиюиюиюию...

¹ В Мценском, Чернском и Белевском уездах.

Десятое: *Почин* – этак: тий-вить, нежно, малиновкой. Это по-настоящему не колено, а соловьи обыкновенно так начинают. У хорошего, нотного соловья оно еще вот как бывает: начнет – тий-вить, а там: тук! Это оттолчкой называется. Потом опять – тий-вить... тук! тук! Два раза оттолчка – и в пол-удара, этак лучше; в третий раз тий-вить – да как рассыплет вдруг, сукин сын, дробью или раскатом – едва на ногах устоишь – обожжет! Этаким соловей называется с ударом или с оттолчкой. У хорошего соловья каждое колено длинно выходит, отчетливо, сильно; чем отчетливей, тем длинней. Дурной спешит: сделал колено, отрубил, скорее другое и – смешался. Дурак дураком и остался. А хороший – нет! Рассудительно поет, правильно. Примется какое-нибудь колено чесать – не сойдет с него до истомы, проберет хоть кого. Иной даже с оборотом – так длинен; пустит, например, колено, дробь, что ли, – сперва будто книзу, а потом опять в гору, словно кругом себя окружит, как каретное колесо перекатить – надо так сказать. Одного я такого слышал у мценского купца Ш...ва – вот был соловей! В Петербурге за тысячу двести рублей ассигнацией продан.

По охотничьим замечаньям, хорошего соловья от дурного с виду отличить трудно. Многие даже самку от самца не узнают. Иная самка еще казистее самца. Молодого от старого отличить можно. У молодого, когда растопыришь ему крылья, есть на перушках пятнышки, и весь он темней; а старый – серее. Выбирать надо соловья, у которого глаза большие,

нос толстый, и чтобы был плечист и высок на ногах. Тот-то соловей, что за тысячу двести рублей пошел, был росту среднего. Его Ш... в под Курском у мальчика купил за двугривенный.

Соловей, коли в береже, до пяти зим перезимовать может. Кормить его надо зимою прусаками или сушеными муравлиными яйцами; только яйца надо брать не из красного леса, а из чернолесья, а то от смолы запор делается. Вешать надо соловьев не над окнами, а в середине комнаты, под потолком, и в клетке чтоб было нёбко мягкое, суконное или полотняное.

Болезнь на них бывает: вдруг примутся чихать. Скверная это болезнь. Какой и переживет – на другую зиму наверное околует. Пробовал я табаком нюхательным по корму посыпать – хорошо выходило.

Петь начинают они с рождества – и ближе, сперва потихоньку; с великого поста, с марта месяца, настоящим голосом, а к Петрову дню перестают. Начинают они обыкновенно с пленкания... так жалобно, нежно: плень... плень... не громко – а по всей комнате слышно. Так звенит приятно, как стеклышки, душу всю поворачивает. Как долго не слышу – всякий раз тронет, по животику так и пробежит, волосики на голове трогаются. Сейчас слезы – и вот они. Выдешь, поплачешь, постоишь.

Молодых соловьев хорошо доставать в Петровки. Надо подметить, куда старые корм носят. Иной раз три, четыре ча-

са, полдня просижу, а уж замечу место. Гнезда они выют на земле – из сухой травы и листочков. Штук пять в гнезде бывает, а иногда и меньше. Молодых возьмешь да посадишь в западню – сейчас и старые попадутся. Старых надо поймать, чтобы молодых кормили. Посадишь всю семейку в куролеску да муравлиных яиц насыплешь и живых муравьев напустишь. Старые сейчас примутся молодых кормить. Клетку потом завесить надо, а как молодые станут клевать сами, старых принять. Молодые, которых в Петровки из гнезда вынешь, живучее и петь скорее принимаются. Брать надо молодых от длинного, голосистого соловья. В клетке они не выводятся. На воле соловей перестает петь, как только детей вывел, а о Петровки он линяет. Сделает на лету коленцо – и кончено. Все только свистит. А поет он всегда сидя; на лету, когда за самкой нырнет, курлычет.

Молодых соловьев хорошо к старым подвешивать, чтобы учились. Повесить их надо рядом. И тут надо примечать: если молодой, пока старый поет, молчит и сидит, не шелохнется, слушает – из того выйдет прок – в две недели, пожалуй, готов будет; а какой не молчит, сам туда же вслед за стариком бурлит – тот разве на будущий год запоет, как быть следует, да и то сомнительно. Иные охотники секретно в шляпах приносят молодых соловьев в трактир, где есть хороший соловей; сами пьют чай или пиво, а молодые тем временем учатся. Оттого лучше завешивать молодых, когда их к старому приносят.

Первые охотники до соловьев – купцы: тысячи рублей не жалеют. Мне белевские купцы давали двести рублей и товарища – и лошадь была ихняя. Посылали меня к Бердичеву. Я должен был две пары представить отличных соловьев, а остальные, хоть пятьдесят пар, в мою пользу.

Был у меня товарищ, охотник смертный до соловьев; часто мы с ним ездили. Подслеповат он был – много это ему мешало. Раз, под Лебедяню, выслушал он удивительного соловья. Приходит ко мне, рассказывает – так от жадности весь трясется. Стал его ловить, – а сидел он на высокой осинке. Вот, однако, спустился, погнал его товарищ в сеть; ткнулся соловей в сеть – и повис. Стал его товарищ брать – знать, руки у него дрожали – соловей вдруг как шмыгнет у него между ног – свистнул, запел и улетел. Товарищ так и завопил. Он потом божился, уверял меня, что он явственно чувствовал, как кто-то соловья у него из рук силой выдернул. Что ж! Всяко бывает. Принялся он опять манить его – нет! не тут-то было: оробел, знать, смолк. Целых десять дней товарищ потом за ним все ходил. Что же вы думаете? Соловей хоть бы чукнул – так и пропал. А товарищ чуть не рехнулся; насилу его домой притащил. Возьмет, шапку оземь грянет, да как начнет себя кулаком по лбу бить... А то вдруг остановится и закричит: «Раскапывайте землю – в землю уйти хочу, туда мне дорога, слепому, неумелому, безрукому...» Вот как оно бывает чувствительно.

Случается, что друг у друга норовят хороших соловьев от-

бить, пораньше зайти на место. На вселужно уменьье; да и без счастья тоже нельзя. Случается также, что отводят, колдовством то есть; а против этого – молитва. Раз я-таки страху набрался. Сижу я ночью под лесом, выслушиваю соловьев, а ночь такая темная-претемная... И вдруг мне показалось, что будто уж это не по-соловьиному что-то гремит, словно прямо на меня идет... Жутко мне стало, так что и сказать нельзя... вскочил, да и давай бог ноги. Мужики – те не мешают; тем все равно; еще смеются, пожалуй. Мужик груб; ему что соловей, что зяблик – все едино. Не их разума дело. Их дело – пахать да на печи лежать с бабой. А я вам теперь все рассказал.